

Превентивный переворот Сталина

В известном смысле вся история коммунизма в России была историей его борьбы за удержание власти. Уже это одно показывает — насколько искусственна и внутренне необоснована эта власть. Но все же, никогда еще этот доминирующий мотив в политике коммунизма не приобретал такого исключительного и явного преобладания, как в последний период существования его диктатуры.

Сейчас во всем мире и прежде всего, в основной своей базе — России, коммунизм перешел из наступательного положения в оборонительное. Это — факт исключительного, при том, длительного значения, ибо причины его породившие имеют тенденцию скорее к неопределенному возрастанию и усилению, чем к временному преходящему действию. Причины эти — двойного рода: внутривосточного, с одной стороны и мирового — с другой стороны.

Последние, в общем виде, состоят в том, то под ближайшим воздействием самого коммунизма происходит всюду, в тех или иных формах, фашизация мира. Все победы коммунизма везде оказываются лишь пирровыми победами. Наступая, он лишь вызывает к жизни фашизм, который, в конце концов, лишает его не только всех плодов побед, но и самого существования. В схематическом виде можно сказать, что там, где коммунизм нарастает в арифметической прогрессии, фашизм растет в прогрессии геометрической. И в результате, прежде чем ему удастся похоронить капитализм, он сам падает под ударами своего собственного могильщика.

Но главная — в особенности с нашей точки зрения — сторона в этой двойной прогрессии не международная, а внутри-российская. Благодаря ей, все теснее сжимается кольцо фашизирующегося мира вокруг страны, которая является базой международного коммунизма. При том, как сказано, этот процесс фашизации не только не является преходящим, но наоборот возрастает. Значит и отступление коммунизма, поскольку оно обусловлено этой причиной, должно со временем лишь углубляться и идти дальше.

Так происходит морально-политическая мобилизация первого внешнего фронта против победившего коммунизма в России.

Но наряду с ним происходит аналогичная, социально-политическая мобилизация второго внутреннего фронта против него, которая представляет собой совокупность внутренних причин происходящего отступления коммунизма. Мы имеем в виду кристаллизацию тех новых социально-политических сил, сил Третьей Революции, о которых ниже говорится в статье «Выстрел Третьей Революции».

Мы отрицаем **существенность** происходящей сейчас эволюции **власти** в России и даже способность ее вообще к сколько нибудь значительной эволюции. Но в России — в особенности в последний период существования советской власти, происходит нечто иное и гораздо более значительное, гораздо более важное. Происходит эволюция не власти, а **страны**. При том, это особая эволюция: не в обычном банальном политическом смысле, ибо это некая **творческая** эволюция, означающая не **изменение** того, что есть, а **возникновение** нового, не бывшего. После первого периода многолетнего состояния революционной расплавленности, того состояния революционного хаоса и аморфности, когда хорошо себя могли чувствовать лишь те, кому «ничего не жаль», кому «все позволено», т.-е. большевистская морально-материальная гольтьба, — начался процесс творческой кристаллизации новой жизни. Но кристаллизуясь из первоначального революционного состояния расплавленности и аморфности, жизнь, естественно, следовала своим имманентным законам и требованиям, — в силу чего,

она неизбежно должна была столкнуться с антижизненной, мертвящей и все извращающей догмой коммунизма. Таким образом, до сих пор коммунизм имел перед собой лишь аморфно-расплавленный революционный хаос, в котором он не мог не чувствовать себя хорошо, сам будучи отцом и в тоже время, дитятей этого хаоса. Но сейчас из этого хаоса встал или встает самый страшный, непримиримый и могучий его враг — сама Жизнь, — неуловимая, вездесущая и необозримая. И эта новая жизнь, соответственно своей природе, чуждой и тому, что было до революции и тому, что есть теперь, формируется в некую новую, Третью социально-политическую силу, силу грядущей, неизбежной для нее Третьей Революции, поскольку она не может ни желать возврата к прошлому — ей чуждому и враждебному, ни примириться с настоящим, не дающим вообще нормально жить. И эта новая Третья Сила, образующая собой силу назревающей Третьей Революции, образует тот второй, внутренний фронт, с которым еще придется иметь дело властвующему коммунизму.

Таковы, в основном, причины, вызвавшие последние изменения в политике коммунистической власти. Они столь ясны, что не остается никаких сомнений и относительно природы порождаемых ими следствий — названных изменений. Причины эти — **внешние** с точки зрения существа коммунизма, следовательно, и явления ими вызываемые, означают не изменение его существа, а изменение лишь методов его действия. Большинство нововведений, происходящих сейчас в России, имеют не **органическое**, а **стратегическое** значение. Коммунизм в главном не **эволюционирует**, а лишь **отступает**, что означает, что в любой момент, как только изменится к лучшему для него внешняя ситуация, он вновь перейдет в наступление. **Органического** процесса эволюции с большевистской диктатурой не может быть уже по той причине, что она не есть явление **органическое**. Живой организм может меняться, расти, но мертвый механизм может быть лишь сломан.

Из этого следует, что из происходящего сейчас в России лишь заведомые соглашатели могут делать вывод, что теперь настало время сворачивать борьбу, — на том основании, что

она лишь тормозит естественный процесс и мобилизует вновь противника. На самом деле, лишь тогда, когда противник на- ступает, иногда можно и должно не принять боя и отступить, но когда он отступает, тогда ни в коем случае не следует бой прекращать, а нужно с удвоенной силой преследовать его до его полного уничтожения. Даже в тех случаях, когда против- ник, действительно, эволюционирует, тактика должна состоять не в свертывании борьбы, а лишь в более косвенных и комби- нированных, чем прямых и ударных способах воздействия. Но в том то и дело, что большевики не эволюционируют, а лишь отступают. А это значит, что делаемые ими уступки они возь- мут обратно, как только к лучшему изменится обстановка. По- этому такими уступками можно и должно пользоваться для борьбы, но ими не следует утешаться и успокаиваться.

Больше того, вообще могут эволюционировать люди, но не идеи. Кто утверждает противное, лишь обнаруживает неве- жество в некоторых основных фактах того, что можно было бы назвать психологией идей. Христианство — при всей своей органичности — живет две тысячи лет, а все же в главном, оно осталось тем же, чем было и в начале.

Итак, большевики сейчас, как и всегда было, не эволюцио- нируют, а лишь отступают, ибо эволюция означает изменение самой природы общественного субъекта, а отступление есть изменение лишь его методов действия. Однако, то, можно ска- зать, генеральное отступление коммунизма, которое происхо- дит теперь, является отступлением особого рода. Зажатый в тиски внешней опасности войны и внутренней опасности пе- реворота, дважды осажденный внутренним фронтом народных масс и внешним фронтом «капиталистического окружения», — коммунизм не может не сознавать, что на этот раз отдельными уступками отделаться уже нельзя. При том дело не только в наличной опасности войны на два фронта, опасности, которая могла бы быть временной и преходящей, дело в том, что мо- билизация таких двух фронтов — явление, как говорилось уже, не преходящего, а неопределенно длительного и при том, про- грессивно-возрастающего характера. Следовательно, приспособ- ливаться к создающемуся новому положению нужно

«в серьез и надолго». И коммунизм стратегически идет на такое отступление, которое могло бы вырвать почву из под этих двух мобилизующихся фронтов, лишив их их побудительных мотивов. Он идет на отступление, которое в пределе означает с. р. **превентивный переворот**, способный, с одной стороны, демобилизовать внутренний фронт, а с другой — сделать не опасным связанный с ним внешний фронт.

В самом деле, большевистские верхи не могут не понимать, что для того, чтоб воевать с внешним врагом, а воевать при **теперешней системе власти им пришлось бы неизбежно**, нужно пойти на мир с внутренним врагом, с народом. Больше того, такой мир с народом не только обеспечил бы победу в случае, если бы война произошла, но он сделал бы и самую войну невозможной или во всяком случае, мало вероятной, т. к. у внешнего фашистского окружения отпала бы моральная санкция борьбы с «мировым злом» — с одной стороны и соблазн легкой победы над огромной и богатейшей страной — с другой стороны. Но такой мир с народом возможен лишь с устранением того, что является **причиной войны с ним**, с устранением **теперешней системы коммунизма**.

В тоже время, если такой превентивный переворот не только обеспечил бы победу, в случае если бы возникла война, но и мог бы сделать самую войну невозможной, то при отсутствии такого переворота сверху не только не отвратима война и не только неизбежно в ней поражение, но, что самое важное, в этом случае стал бы неизбежным переворот снизу. Таким образом, здесь находит свое применение та основная политическая аксиома, что если известный порядок вещей не устраняется сверху, то его устраняют снизу. Большевики предусмотрительно переворачивают урок этой аксиомы: они в стратегических целях идут на превентивный переворот сверху, чтоб предупредить возможный и даже неизбежный иначе, переворот снизу. Таким превентивным переворотом, растянутым во времени и совершаемым небольшими, безболезненными дозами и является вся та «эволюция», которая происходит сейчас в России.

Спешим предупредить возможные обвинения в парадок-

сальности. Собственно, всякое политическое отступление власти является своего рода частичным переворотом, поскольку в нем происходит отмена, устранение тех или иных ее положений. Недаром великие реформы часто именуют революциями (реформы Петра Великого). Но чтоб стало вполне уместно применение этого понятия переворота, нужно чтоб такое отступление достигло соответственных размеров. Тогда по философскому выражению Гегеля, количество переходит в качество. Такое превращение «количества» в «качество» и имеет место в современном генеральном отступлении коммунизма.

Следовательно, то, что делают теперь большевики в России, это не политическая терапия, как думают добродушно-наивные большевизаны всех мастей, а политическая профилактика. Или, если угодно, это терапия в отношении настоящего, цель которой — профилактика в отношении будущего. Назревший переворот, который откроет собой грядущую Третью Революцию, большевики пытаются предупредить превентивным переворотом, чтоб таким образом **канализировать и локализовать новые идеи-силы в пределах господствующей коммунистической системы.**

Могут спросить — какая же разница между таким превентивным переворотом и переворотом обыкновенным, раз он стремится к удовлетворению тех же потребностей? Разница та, что превентивный переворот делается не противниками данной власти, а самой этой властью и не для свержения ее, а для ее сохранения и укрепления. Вот почему такой переворот является не органическим событием, а лишь стратегическим маневром. Основной его порок — ложь и неискренность. Он есть по существу лишь политическая инсценировка. Его цель — демобилизовать противника и выждать более благоприятный момент, чтоб вернуться вновь на прежние позиции. Поэтому задача борцов за подлинные исторические потребности заключается в том, чтоб разоблачать эту ложь и не упускать благоприятного момента для продолжения борьбы.

Но и без этого едва ли можно сомневаться, что такого рода инсценировкой нельзя спасти положение. Ленин когда то говорил, что класс обмануть нельзя. Тем с большим основани-

ем мы могли бы сказать, что Историю обмануть нельзя. Тот, кто ее обманывает, на самом деле лишь обманывается. Тем более, что — мы это настойчиво повторяем, — та ситуация, которая вынуждает к такого рода тактическому маневру — явление не преходящего, а длительного и притом, возрастающего характера. А такого рода, хотя бы и стратегический переворот, проведенный на сколько нибудь продолжительный период времени, превратился бы в порядок уже необратимого характера.

Однако, все вышеизложенное должно быть снабжено одной, крайне существенной оговоркой.

Выше мы сказали, что эволюционировать **могут** люди, но не идеи, имея, в частности, в виду коммунистическую идею. Теперь сказанное приобретает для нас очень важное значение. Дело в том, что в происходящих изменениях в России участвует один фактор — не социологического, а человеческого порядка, — который, в качестве такового, допускает возможность не только отступления, но и эволюции. Этот фактор — личность самого Сталина. И так как власть последнего становится теперь почти что автократической, самодержавной, личной, то значение этого фактора в происходящих событиях является едва ли не решающим. К сожалению лишь, возможности, связанные с этим фактором — вопрос скорее биографических догадок, чем политического предвидения — не поддаются почти никакому учету и объективному исследованию. Так исторические судьбы России и, в значительной степени мира, находятся во власти случайностей, которые даже не могут быть учтены, являясь безразличным — с точки зрения истории — фактом биографического свойства.

Сейчас уже нельзя связывать Сталина с партией: Сталин не в партии, а над партией, и партия не над Сталином, как своим членом, а под ним. Следовательно, все сказанное о невозможности эволюции советской системы, поскольку мы к ней подходим со стороны коммунистической партии, не распространяется на тот случай, когда мы подходим к тому же вопросу со сто-

роны личности Сталина. Тем более, что — это надо признать — Сталин на голову выше подвластного ему партийного состава. А возможность эволюции такого рода это в значительной мере и есть вопрос личной значительности — с одной стороны и катастрофичности исторического момента, ломающего все привычные критерии, понятия и традиции — с другой стороны. Достаточно назвать такие имена, как Муссолини, Пилсудский, Клемансо, Наполеон в древности, Ю. Цезарь и сопоставить их с той критической обстановкой, в которой они эволюционировали. Одно из этих условий, объективное: критический, катастрофический характер исторического момента — на лицо. Присутствует ли и второе, субъективное условие в надлежащей мере — этого мы, строго говоря, не знаем. Одно время вспыхнул было во всем мире интерес к Сталину, как историческому герою: в нем увидели какую-то заряженную возможность нового исторического Слова, новую восходящую звезду на тусклом марксистском горизонте. Однако, последующие события, особенно последний конгресс Коминтерна, как будто, показали, что он один лишь из буквослов-пачетчиков марксизма, раз навсегда пришибленный этим последним; а казавшийся творческий разряд новой идеологической потенции — только несложный трюк обычного политического игрока, играющего, при том, нечестно. Так ли это — было бы теперь еще преждевременно заключать, как были слишком поспешны и предвзятые увлечения. Во всяком случае, пока что Сталин только «ученик» и быть может, в качестве такового и отойдет в Историю, не оставив в ней никакого самостоятельного следа, ибо чтоб ученик мог подняться над предметом своего ученичества, нужно чтоб он обладал **творческим гением**, каким обладали Наполеон, Ю. Цезарь, отчасти Муссолини. Но хватит ли на это Сталина — мы пока что еще не знаем. Размеры личности Сталина еще не определились.

Указанный личный фактор соответственным образом осложняет отношение к тому, что происходит сейчас в России.

Когда то левые с.-р. выражали в одном слове условия, при которых они могли бы быть лояльными в отношении советской власти: эти условия — честные советы. Аналогично этому теперь можно было бы приветствовать все те изменения, которые производятся сейчас в России большевиками, если бы они были искренни. Как было выше замечено, каждый назревший переворот обычно совершается или сверху, путем реформ или снизу — путем революции. И хотя в нашем случае это мало вероятно, но нужно было бы желать, чтоб такой спасительный и для России, и для Революции (в нашем смысле) переворот произошел не снизу, а сверху, ибо в первом случае нельзя поручиться, что такое движение снизу не превратится в анархию, аналогичную китайской смуте. При этом мы проявили бы преступный дух узкого партийного эгоизма, если бы желательность такого переворота сверху мы отрицали лишь на том основании, что его носителями явились бы люди, политически нам враждебные в данный момент: ведь для Истории важно не **кто**, а **что**. И если бы таким реформатором, или революционером сверху, как некогда Петр Великий, явился тот же Сталин, — а он это мог бы и, благодаря своему самодержавному всемогуществу, он **один** это мог бы, в данных официальных условиях советской власти, совершить, — то в Историю он вошел бы не только как дальновиднейший революционер — в высшем смысле этого слова, а не в узком, партийно-большевистском, — ибо, пренебрегая партией, спас бы Революцию, но и как народный герой, ибо вывел бы народ из той безнадежной ямы большевизма, где он лежит, распластанный в рабстве, нищете и бессилии. Мы не персонифицируем исторический процесс и не последуем за тем предрассудком, для которого важно не только имя и фамилия, но и отчество претендента на власть. Для нас важен не деятель, а его деятельность. С другой стороны, мы знаем, что реальная политика — это всегда неизбежно — компромисс — в положительном смысле этого слова, это способ наиболее продуктивной реализации исторической равнодействующей. Государство не есть «общественный договор», но государственная деятельность есть практика общественного договора. Нужно быть максималистом в идеологии и минима-

листом в политике: без первого — политика слепа и ничтожна, без второго — идеология бездейственна и мертва.

И действительно, принимая во внимание все вышесказанное, имеются некоторые основания думать, что Сталин, побуждаемый силой вещей, вслением объект. необходимости, эволюционируя, попытается превратиться из секр. партии в **народного вождя**, из начетчика мертвой, всем опостылевшей доктрины в носителя живой и творческой исторической необходимости. И если бы осуществляемая им реформаторская деятельность **искренно** пошла именно в этом направлении, в каком, собственно, она пока и идет, — в направлении превращения его из главаря партии в надпартийного народного вождя и, следовательно, приобщения **всего народа** к творчеству новой жизни, а не только кучки невежественных начетчиков всюду обанкротившейся, однобокой доктрины, — то взятый **в пределе**, такой переворот сверху не только можно было бы, но и должно было бы приветствовать.

Но только мы боимся, что все эти соображения наши, исходящие из исторической нормы, мы применяем к случаю, являющемуся исторической патологией. Во всяком случае, чтоб не ошибиться, нужно не прекращать, а, если можно, удвоить, утроить борьбу: цели наши она не только не удалит, но, наоборот, приблизит, — **какими бы ни пришлось в дальнейшем идти к ним неожиданными путями.**

Может быть, все эти рассуждения были бы вообще неуместны, если бы не надвинувшаяся военная угроза не только над Революцией (в нашем смысле), но и над Россией, как таковой. Угроза эта является следствием исключительно существования большевизма в России. Следовательно, он один несет ответственность за нее. Поэтому, если после внутреннего порабощения и нищеты русского народа большевизм своим хозяйничанием уготовит в финале ему еще иноземное порабощение, то, бесславно погибнув, он огойдет в историю, на-веки заклеянный проклятием погубленного им народа.

П. Боранецкий.